

А.Е. ДЕНИСОВ*

**ХЕШТЕГИ, НАРРАТИВЫ
И БАНАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ
(НА ПРИМЕРЕ КРЯШЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ)**

Аннотация. Статья посвящена анализу такого современного инструмента политического участия в сети интернет, как хештеги. В основу исследования положены нарративный анализ и теория банального национализма (как в интерпретации М. Биллинга, так и в видении Дж. Фокса). Нарративный анализ в статье рассматривается с точки зрения практико-ориентированного подхода, который направлен на непосредственное социальное взаимодействие. В центре этого взаимодействия находится человек (в данном случае представитель этнической группы), который одновременно и испытывает на себе влияние этнически значимых символов, и их создает. Нарратив уже здесь выступает как результат осмысления этнически значимых символов в сознании людей. Происходит это через анализ событий, которые были или сейчас развиваются внутри или около этнического движения (в том числе и с помощью политических мифов, связанных с историей данной этнической группы). Целью статьи является определение места и роли хештегов в развитии национальных движений (на примере кряшенского движения). Автор выявляет положение хештегов относительно таких единиц анализа как «этнически значимые символы» и «нарратив».

В исследовании говорится о хештегах как о достаточно новом инструменте политического участия. В качестве примера выбрано кряшенское движение, поскольку оно характеризуется достаточно развитыми дискурсивными практиками. Дается подробный обзор кряшенских хештегов и приводится их классификация на основе предложенных Алисой Дайер, Реббекой Хоффман и Сет Гудманом видов хештегов. Особое внимание уделяется теории банального национализма и подчеркивается, что функционал хештегов достаточно хорошо может быть объ-

---

* **Денисов Андрей Евгеньевич**, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра исламоведческих исследований, Академия наук Республики Татарстан (Казань, Россия), e-mail: Count-Denisov@yandex.ru

яснен данной теорией. В заключение автор предлагает таблицу моделей крышенских хештегов с ключевыми характеристиками (тип хештега, вид признания, интерпретация банального национализма по М. Биллингу или Дж. Фоксу, роль хештега в движении) и выделенными закономерностями для крышенского движения.

Ключевые слова: банальный национализм; интернет; крышены; нарратив; национальное движение; политическое участие; символ; хештег; этнически значимый символ; этнополитическая мобилизация.

Для цитирования: Денисов А.Е. Хештеги, нарративы и банальный национализм (на примере крышенского движения) // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 161–182. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.07>

В последние годы темы, связанные с интернет-участием в политике национальных меньшинств, становятся все более популярными для исследования представителями социальных наук. Это можно объяснить тем, что раньше «большая политика» проводилась в значительном удалении от простых людей и последние могли кардинально повлиять на нее только путем радикального выражения своего протеста; однако сегодня Интернет является как раз тем посредником, который включает общество в принятие решений [Grossman, 1995, p. 29]. В эпоху глобализации национальные и конфессиональные меньшинства подвергаются еще большему риску вынужденной ассимиляции не только со стороны доминирующей группы внутри какой-то определенной страны, но и со стороны общемировой глобальной культуры. Из-за этого интернет-участие национальных движений стало нормой.

В сети Интернет модели участия национальных меньшинств разнообразны, как и модели политического участия в целом (например, Эндрю Чадвик и Кристофер Мэй выделяли модели от чисто технократических «управленческих» моделей, где происходит фактически только улучшение эффективности работы бюрократического аппарата через внедрение информационных технологий, до модели «участия», подразумевающей под собой максимальное интерактивное взаимодействие между гражданином и политической сферой [Chadwick, May, 2003, p. 277]).

В данном случае нас интересует сфера влияния интернет-коммуникаций на развитие идентичности и национальных движений. С этой целью будет рассмотрено влияние хештегов на развитие крышенского движения через призму теории этносимволизма, который изучает национализм с точки зрения места и роли этниче-

ски значимых символов в национальных движениях [Armstrong, 1982; Smith, 2009, Hutchinson, 2005]. Прослеживается определенная взаимосвязь между хештегами и этнически-значимыми символами, так как они являются производными друг от друга¹.

В современной политологической науке и в смежных дисциплинах исследования в большей степени сосредоточены на роли информационных технологий в формировании национальной или этнической идентичности. Родоначальником данных исследований можно считать социолога М. Кастельса, который поднял вопрос о том, что информационные технологии оказывают большое влияние на социальные отношения и коллективную идентичность, и отметил необходимость изучения данного феномена [Кастельс, 2000]. Особое внимание в данных исследованиях уделяется изучению непосредственной интерактивности в создании и распространении контента [Jenkins, Ford, Green, 2013], который создает открытую культуру участия для всех без исключения членов этнической группы. Существует отдельный пласт работ, которые фокусируются на изучении поддержания коллективной этнической идентичности мигрантов в онлайн-пространстве (так называемые «сайты диаспор» [Kania-Lundholm, Lindgren, 2017]. В связи с этим также можно выделить практику изучения «виртуальных наций» [Aouragh, 2011] и их непосредственное функционирование в онлайн-пространстве². Отдельно стоит отметить, что функционирование «виртуальной нации» невозможно без исторической памяти [Малинова, 2019; Джонсон, Малинова, 2020]. Этнически значимые символы формируются непосредственно исторической памятью, если они не были сформированы ранее. Кроме того, историческая память часто используется этнопопулистами в сети Интернет в рамках дискурсивных стратегий для достижения собственных целей. По этому блоку исследований существует большой массив литературы [Moffitt, 2016; Wodak, 2015].

Изучение хештегов как инструмента политического участия и поддержания этнокультурной идентичности определяется двумя видами публикаций: обобщенно посвященные хештег-активизму с

---

¹ В статье будут описаны разные модели. Хештеги могут как предшествовать этнически значимым символам, так и быть производными от них. В некоторых случаях хештеги и этнически значимые символы являются одним и тем же.

² Bakker P. New nationalism: The Internet crusade. – 2001. – Mode of access: <https://tamilnation.org/selfdetermination/nation/bakker.pdf> (accessed: 23.04.2021).

фокусировкой на определенную социально значимую проблему [Zulli, 2020] и непосредственно о хештегах, используемых в национальных движениях. По второй категории не так много научной литературы. Однако есть исследователи, которые поднимают проблему хештег-активизма в этноконфессиональных общностях [Greenhalgh, Willet, Koehler, 2019] и непосредственно у этнических и расовых меньшинств [Ramasubramanian, 2016]. Что же касается кряшенского движения, изучение его хештегов ведется [Белорусова, 2019; Белоруссова, Данилова, Сысоева, 2020], но проходит в этнологической и антропологической плоскости.

Нарративный анализ

Рассмотрение роли и места такого инструмента политического интернет-участия, как хештеги, в развитии кряшенского движения мы проведем на основе нарративного анализа. Это позволит ответить на вопрос: «Обладают ли хештеги такой же значимостью для развития движения как этнически значимые символы или же они являются производными от них?»

Нарративный анализ обладает достаточными возможностями для исследования контекстов и дискурсивных практик, существующих внутри кряшенского движения. Мы разделяем практико-ориентированный подход к изучению нарративов, который акцентируется на непосредственном социальном взаимодействии [De Fina, Georgakopoulou, 2012, p. 155]. Под практикой социального взаимодействия мы, следуя концепции Анны де Фини и Александры Георгакопулу, понимаем такой подход к нарративному анализу, который сосредоточивает внимание на взаимодействии между разными акторами (в нашем случае, кряшенского движения), а кроме того ориентируется на представление о нарративе как о некоторой силе, способной создавать или воссоздавать контексты. И, самое главное, этот подход должен включать в рассмотрение реально существующие социальные проблемы.

Важно отметить, что нарративы в данном контексте – это нечто-то устоявшееся, они развиваются и могут трансформироваться со временем, так как вовлечены в непосредственные социальные и политические взаимодействия [Marilyn, Deirdre, 2017, p. 33]. Кроме того, нарративный анализ подходит для анализа национализма

и других политических идеологий. Это объясняется, во-первых, тем, что нарративы напрямую связаны с окружающей социально-политической, экономической, культурной и демографической обстановкой и часто выходят «за границу» области своего применения, пересекаясь с другими контекстами. Во-вторых, нарративы сами могут создавать контексты, которые, в свою очередь, направляют внимание индивидов на новое понимание окружающей действительности [Barassi, Zamponi, 2020, p. 593].

Здесь следует еще уделить внимание такому аспекту, как «владение нарративом». Странники «нарративного поворота» в социальных науках еще в начале 1990-х годов писали о возрастающей роли нарративов, когда субъекты социальных процессов маргинализируются, и политический процесс становится все менее активным [Bruner, 1991, p. 2–3]. Это применимо к кряшенскому движению, а точнее к чередованию этапов политического и культурного национализма в кряшенском движении с середины XIX в. до наших дней [Денисов, 2017, с. 53–54]. Так, когда политический национализм слабеет или терпит поражение, культурный национализм позволяет использовать новые модели этнополитической мобилизации населения. Нарративы являются неотъемлемой частью национализма. При культурном национализме они активно создаются, чтобы заменить собой недостающую политическую активность акторов, а при политическом национализме нарративы используются уже непосредственно в инструментальных целях.

Нарративы используются для выражения или обозначения как индивидуальной, так и коллективной идентичности. Исходя из этого, в нарративном анализе выделяют два подхода к анализу идентичности: биографический и интерактивно-ориентированный. Для изучения кряшенского движения мы будем применять только интегративно-ориентированный подход, так как биографический направлен на отдельного человека как источника данных и цели анализа. По-другому можно сказать, что это своеобразный подход к описанию жизненной траектории человека и пути построения его собственной идентичности (в том числе состоящей из пересекающихся лояльностей в этнической, религиозной, гражданской, политической, языковой, социальной, экономической и культурной плоскостях). Интерактивно-ориентированный подход ориентирован на другое, здесь важен не сам результат конструирования идентичности, а именно процесс: какие стратегии используются

для конструирования идентичности и какое место и функции в них занимают непосредственно рассматриваемые нарративы [De Fina, Georgakopoulou, 2019, p. 352].

Идентичность в зависимости от контекста может быть разной не только по своей наполненности, но и по сути. В частности, ученые, которые используют нарративный анализ, выделяют три вида таких идентичностей: дискурсивные (discourse), ситуативные (situated) и переносимые (transportable) [Helm, 2018, p. 34].

Дискурсивные идентичности связаны с непосредственной ролью, в которой сейчас находится человек. Например, какая-то определенная группа людей, в частности, отделение Общественной организации кряшен одного из муниципальных районов Татарстана делегировала право представлять себя определенному члену кряшенского сообщества на отчетно-выборной конференции Общественной организации кряшен РТ. Этот человек будет выступать уже не только от своего имени, а от имени всех кряшен, которые проживают на территории муниципального района. Это – пример дискурсивной идентичности. Как только его полномочия закончатся, у него останется право говорить только от своего имени.

Ситуативные идентичности релевантны в силу конкретных социальных обстоятельств и видов деятельности. В качестве примера можно привести условного ученого-кряшена. В ходе научной дискуссии его позиция по истории кряшен будут звучать намного более авторитетно, чем слова простого представителя кряшенского сообщества без ученой степени (даже если они будут говорить похожие вещи). Однако эти идентичности непосредственно связаны с «властью», которая дается в каждом конкретном случае лишь в строгих границах, очерченных профессией (например, у врача – в выборе путей лечения пациента и обязательном подчинении последнего воле врача). За пределами больницы данной власти у врача нет. Так же и с условным ученым из кряшенского сообщества. Его слова могут иметь вес только в научной дискуссии, но если он перейдет границу академической сферы, эти слова будут звучать просто как частное мнение обычного гражданина. Следовательно, данный тип идентичности (ситуативный) может функционировать только в «рабочее время» и в определенной среде.

Что же касается третьего вида идентичности (переносимые идентичности), они могут быть независимы от контекстов, а могут

быть и зависимыми¹. Здесь стоит отдельно оговориться, что под «переносимыми идентичностями» в монографии Ф. Хельм [Helm, 2018] понимаются устоявшиеся идентичности больших социальных групп (например, религиозные, этнические, гендерные идентичности). Эти идентичности могут быть изменяемые в течение времени (религиозная идентичность может быть трансформирована со сменой религии) и трудноизменяемые. К трудноизменяемым относится этническая идентичность. Согласно этносимволизму, этничность не может быть сконструирована на пустом месте без определенного исторического опыта, без предыдущего этнического основания. Что же касается не больших, а малых групп (такие как кряшены), то тут важно учитывать внутреннее самосознание этнической группы, насколько оно сильно развито. Хотя кряшены по переписи населения являются субэтнической группой внутри татарской нации, внутри сообщества очень сильно развито внутреннее самосознание, что позволяет говорить о некоторой независимости кряшенской идентичности от разного рода контекстов.

Если продолжать пример с кряшенами, то это их этнокультурная идентичность будет примером переносимой идентичности. Представитель кряшенского сообщества будет считать себя кряшеном и в ситуации, когда он является делегатом на отчетно-выборной конференции от своего муниципального района (дискурсивная идентичность), и при участии в научной дискуссии в качестве ученого (ситуативная идентичность).

Хештег как новый инструмент политического участия

Хештеги впервые появились в сетях IRC (Internet Relay Chat), а стали популярны в социальной сети Твиттер. Первоначально они не имели какого-то определенного функционала, кроме поиска похожих по тематике сообщений внутри сети. Это была своеобразная форма категоризации записей [Rightler-McDaniels, Hendrickson, 2014, p. 176]. Однако достаточно быстро функционал

---

¹ Например, очень важно, как к представителям этнической группы относится внешнее окружение. Если это окружение относится достаточно негативно, то представители этой этнической группы постараются не распространяться о своей этнической идентичности и скорее всего выберут стратегию добровольной ассимиляции (чаще всего встречается в эмигрантской среде).

хештегов значительно расширился, так как любой желающий мог его создать и вложить в него свой определенный смысл. Таким образом, хештег оказался инструментом с «неожиданной глубиной» [Ibid.]. Даже хештег, который создан одиночкой и на пустом месте может, при условии, что его будут повторять другие пользователи, стать самостоятельным дискурсом, способным мобилизовать людей на разного рода социальные взаимодействия с окружающей средой.

Существуют разные понимания этнополитической мобилизации в современной политической науке. В.А. Ачкасов выделяет некоторые их общие черты: 1) это процесс, источником которого выступают группы / элиты с определенной этнической принадлежностью; 2) процесс, который сопряжен с борьбой за редкие ресурсы (в том числе и за политические); 3) основан на манипулировании этнически значимыми символами; 4) направлен на обретение общей идентичности и политической организации этнического сообщества [Ачкасов, 2014, с. 88].

При том, что мы согласны с данными выделенными общими чертами, все же стоит отметить, что далеко не всегда целью этнополитической мобилизации может выступать обретение общей идентичности и политическая организация этнического сообщества. Часто это является лишь средством для продвижения собственных интересов в политической или экономической сфере от имени своего этнического сообщества. Кроме того, источником этнополитической мобилизации не всегда бывают представители самой этнической группы. В частности, многие национальные движения зарождались от деятельности «внешних» акторов (например, православный миссионер Н.И. Ильминский через свою деятельность фактически дал импульс к формированию кряшенской идентичности и зарождению кряшенского движения). Таким образом, если возвращаться к теме хештегов, то буквально любой пользователь (не обязательно член данного этнического сообщества) может создать хештег, который будет нести этнически значимый посыл. Хештеги могут быть вполне удачным инструментом для манипуляции этнически значимыми символами с целью получения экономических и политических ресурсов в рамках развития национального движения.

Притом что первоначально функция хештега заключалась в своеобразной группировке сообщений и записей в социальной

сети Твиттер, со временем исследователи стали выделять разные виды хештегов. Так, например, Л.С. Патрушева отмечает, что зарубежные исследователи Алиса Дайер, Ребекка Хоффман и Сет Гудман выделяют такие виды хештегов, как 1) хештег-подчеркивание; 2) хештег-критика; 3) хештег-идентификация; 4) хештег-итерация (хештег-переход) и 5) хештег-сплочение [Патрушева, 2018, с. 473].

В наше время хештеги оказывают большое влияние и на политическую сферу. Люди участвуют в публичной политике посредством разных информационных технологий по широкому спектру вопросов: от простой передачи политической информации своим друзьям, коллегам и соратникам до выдвижения требований органам государственной власти и призывам к мобилизации населения по тем или иным общественно-политическим вопросам. Уже признано, что так называемый хештег-активизм имеет серьезное политическое значение и способствует политическому участию в реальной жизни [Freelon, Marwick, Kreiss, 2020, p. 1197]. Таким образом, хештеги стали полноценной цифровой технологией, которая может быть использована политическими акторами.

Хештеги активно используются и в таком подвиде социальных движений, как национальные движения. В данном случае можно встретить два вида хештегов: хештег-идентификация и хештег-сплочение. В первом случае мы имеем дело с хештегом, который выступает определенным маркером идентичности. В качестве примера можно привести президентскую кампанию Д. Трампа, когда он в своем Твиттере, в том числе и через хештеги, фактически выстраивал американскую идентичность по таким линиям, как: 1) принадлежность к общему этническому сообществу; 2) общее представление о Родине; 3) общая история; 4) религия и 6) формирование некой особой миссии этнического сообщества в мире (как элемент американского мессианства) [Schertzer, Woods, 2020]. Главная функция этого маркера – выстраивание границы между «своими» и «чужими». Хештеги-сплочение используются национальным движением, когда оно выдвигает определенные требования к органам государственной власти. Эти требования могут быть как экономического плана, например, предоставления исключительного права хозяйствования на определенных территориях, так и политического (движение за предоставление автономии или независимости). Хрестоматийным примером здесь может служить Каталонское движение, которое

призывает Испанию провести легитимный референдум о предоставлении независимости Каталонии (например, хештег #wewanttovote является самым распространенным, который используется в Каталонском движении) [Agustín, 2021, p. 68].

Перейдём к хештегам в кряшенском движении. Впервые изучать хештеги у кряшен начала школа виртуальной антропологии под руководством А.В. Головнёва, сначала в Уральском федеральном университете, а позже в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Так, например, С.Ю. Белоруссова отметила, что кряшенские хештеги могут содержать этнические варианты названий сообщества (#кряшен, #якряшен, #минкряшен и похожие) или делать акцент на региональном, тематическом и гендерном аспекте (#керэшенкызлар, #керэшенавыллар, #кряшенскийприход и так далее) [Белоруссова, Данилова, Сысоева, 2020, с. 47]. В своем исследовании С.Ю. Белоруссова выделила 13 основных и наиболее распространенных хештегов в сети Интернет [там же, с. 48]. Мы не будем подробно останавливаться на этих хештегах, отметим лишь то, что большинство хештегов в кряшенском движении – это хештеги-идентификаторы. Однако существует такой хештег как #силакряшен, который нуждается в отдельном осмыслении.

Вначале необходимо отметить, что кряшены по переписи населения 2002 и 2010 годов являются субэтнической группой внутри единой татарской нации. Дискуссия по поводу статуса кряшен началась еще с кампании к переписи населения 2002 г. [Денисов, 2018, с. 324–326] и продолжается до нашего времени. В связи с этим основным нарративом современного кряшенского движения выступает вопрос о полном признании кряшен в качестве отдельного народа. Мы, опираясь на методологию теории признания Ч. Тейлора [Taylor, 1994], выделяем, что существует «внешнее» и «внутреннее» признание. В случае с любым национальным движением, перед тем как добиваться «внешнего» признания, необходимо добиться устоявшегося собственного самосознания («внутреннего признания»).

Виды и модели кряшенских хештегов

Если переходить напрямую к кряшенским хештегам, то можно выделить их три разновидности:

1) хештеги-идентификаторы (#кряшены, #кряшен, #керэшеннэр, #минкерэшен, #кряшен, #минкряшен, #керэшеннэр, #керэшен, #кряшеннэр и др.);

2) хештеги-переходы (где под хештегом напрямую подразумевается этнически-значимый символ) (#кряшенскийприход);

3) хештеги-сплочение (#силакряшен).

Данная классификация была разработана на основании этно-символического подхода, нарративного анализа и классификации хештегов по Алисе Дайер, Реббеке Хоффман и Сету Гудману.

Наш анализ строился по следующей логической схеме: хештег – этнически значимый символ – нарратив – классификация. Первоначально для нас хештег представляет собой не больше, чем просто слово или выражение, однако позже мы соотносим его с уже имеющимися этнически значимыми символами (согласно этносимволизму). Когда уже установлена взаимосвязь хештега с символом (она может быть выражена в виде символа «отдельной нации» в случае с хештегами-идентификаторами), следует обратить внимание на его содержание (какой дискурс вносит в кряшенское движение; как затрагивает индивидуальные и коллективные идентичности; какие стратегии используются для конструирования идентичности).

Основной объем проанализированной информации составили вторичные данные о кряшенских хештегах в социальных сетях «Инстаграм», «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Фейсбук» с 2012 г., которые были представлены в работах С.Ю. Белоруссовой за 2019–2020 гг. [Белоруссова, 2019; Белоруссова, Данилова, Сысоева, 2020]. Исходя из этой классификации, опишем три модели влияния хештегов на кряшенское субэтническое движение.

1-я модель

Название: Хештег у кряшен как идентификация

Схема: Символ – Нарратив – Хештег

В данной модели хештег не представляет собой что-то самостоятельное. Это продукт нарратива, который сформировался под воздействием определенных этнически значимых символов. В качестве примера можно привести символ «кряшенского языка».

Современные кряшены говорят на татарском языке, но они продолжают почитать свой письменный литературный язык, который был создан Н. Ильминским (создал кряшенский алфавит для перевода Священного Писания и богослужения на понятный кряшенам родной язык) и остался только в религиозной литературе [Денисов, 2019, с. 95]. Притом что данный язык не может уже использоваться в качестве активного средства коммуникации, он все же продолжает выполнять жизненно важную для субэтнической группы символическую идентификационную функцию. В устной речи отличий «кряшенского языка» от татарской речи практически нет, однако многие представители кряшенского движения продолжают говорить о «кряшенском языке» как о реально существующем. Внутренний образ «кряшена» маловероятен без символа «кряшенского языка», от этого можно с уверенностью говорить, что под хештегом #кряшен подразумевается человек, для которого «кряшенский язык» является родным. В данном случае хештег играет идентификационную функцию, которая укрепляет внутреннее самосознание внутри этнической группы и «работает» на внутреннее признание.

2-я модель

Название: Хештег как переход к символу

Схема: Хештег (символ) – нарратив

В данной модели хештег является образом символа, т.е. прямой отсылкой к нему. Более того, при определенных обстоятельствах (в том же самом Твиттере, где количество слов ограничено) хештег может прямо считаться этнически значимым символом.

Рассмотрим на примере хештега #кряшенский приход. Кряшенский приход является самостоятельным этнически значимым символом в кряшенском движении [там же, с. 95]. Он сформировался как «новый» первичный этнически значимый символ из таких символов, как «православие» и «кряшенский язык» в период первого (с середины XIX до начала XX в.) и второго кряшенского религиозного возрождения (с конца 80-х годов XX века). На современном этапе особую роль в формировании данного символа сыграл о. Павел Павлов. В конце 80-х годов XX века он приложил большие усилия в восстановлении православных традиций в кря-

шенской среде, продолжил работу Н. Ильминского по переводу Священного Писания на «кряшенский язык», при нем возобновились богослужения на родном для кряшен языке [Денисов, 2020, с. 181]. Кряшенские храмы сейчас для этнического сообщества являются местом притяжения, некоторой нейтральной площадкой, где забываются все политические и внутригрупповые дискуссии. Во время второго кряшенского религиозного возрождения священнослужители из кряшен стали неформальными лидерами кряшенской общины, к мнению и авторитету которых прислушиваются все группы внутри движения.

Поэтому хештег #кряшенскийприход сразу же перенаправляет представителя этнического сообщества непосредственного к этнически значимому символу кряшенского прохода. Этот символ непосредственно влияет на нарратив движения, и уже представители движения используют его как еще один аргумент для полного внешнего признания кряшен как отдельного народа.

3-я модель

Название: Хештег как мобилизация

Схема: Хештег – символ – нарратив

В данной модели хештег является импульсом к созданию этнически значимых символов. К данной модели можно отнести хештег #силакряшен. На наш взгляд, у этого хештега есть большие возможности для продвижения исключительной кряшенской идентичности в медиапространстве. На данный момент, по мнению С.Ю. Белоруссовой, #силакряшен обозначает некоторую сакральную обязанность сохранения единства движения на фоне имеющихся разногласий внутри сообщества по поводу частичного или полного внешнего признания кряшен как отдельного народа [Белоруссова, 2019, с. 59–60]. То есть, данный хештег относится к группе хештегов-сплочение, функции которых заключаются в привлечении внимания и мобилизации населения. В отношении же национальных движений мы можем с полной уверенностью говорить, что хештеги данного типа непосредственно влияют на процесс этнополитической мобилизации, так как идет сакрализация этнической общности, ее культуры и других ее элементов, которые необходимо сохранить любой ценой от вредного влияния окру-

жающих ее чужих культур (способных ассимилировать) [Ачкасов, 2016, с. 107]. Через данный вид хештегов можно видеть выдвижение разного рода политических требований со стороны этнических групп, однако в кряшенском движении этого не было замечено. У кряшен #силакряшен имеет в большей степени только интеграционную функцию внутри движения. В тоже время, на наш взгляд, у этого хештега есть большой, пока еще скрытый потенциал. В частности, он не просто «объявляет» и декларирует кряшенскую идентичность как в случае с хештегами-идентификаторами, а ее «пробуждает». #Силакряшен не дает готовых ответов для представителей кряшенского сообщества на вопрос: «Кто такой кряшен?», а заставляет искать эти ответы самостоятельно. Этот поиск приводит к дискурсу о «полном внешнем признании» кряшен, и уже на этом этапе к формированию кряшенской идентичности подключаются уже имеющиеся этнически значимые символы, из которых впоследствии формируются нарративы движения.

Хештеги и банальный национализм

При изучении кряшенских хештегов была прослежена интересная связь между непосредственно хештегами и банальным национализмом. Данный подход ориентирован на изучение масс, а точнее на то, как с помощью различных повседневных символов людям напоминают об их национальной принадлежности. В современном мире цифровых технологий для молодежи, которая проводит большую часть своего времени в Интернете, хештеги имеют почти такое же значение, как флаги и гимны. Поэтому мы задались вопросом, как хештеги связаны с банальным национализмом.

Родоначальником в исследовании банального национализма является М. Биллинг [Billing, 1995]. В книге М. Биллинга банальный национализм является идеологией, направленной на ежедневное воспроизводство нации в сознании населения.

Однако следует отметить, что теория М. Биллинга была подвергнута кардинальному пересмотру современными учеными. В частности, новое поколение исследователей отмечает, что М. Биллинг сосредотачивался всего лишь на выделении маркеров банального национализма, но не описывал, как простые люди уча-

ствуют в неостанавливаемом процессе воспроизводства нации. Например, Дж. Фокс вступает в дискуссию с М. Биллингом и отмечает, что не все члены национальной общины являются этническими активистами, не все люди соотносят свою жизнь и повседневные действия с оглядкой на свою нацию, бывают случаи, когда нация не довлеет над жизнью человека [Fох, 2017, р. 41]. Из этого следует, что М. Биллинг понимает банальный национализм слишком узко, в русле обычного национализма, на его идеологическом уровне, фактически игнорируя повседневную жизнь, но именно в ней проходит развитие национальных движений. Заслуга Дж. Фокса состоит в том, что он деконструировал понятие «банальный национализм» и выделил из него чисто идеологический (позиция М. Биллинга) и повседневный национализм (опыт национализма на уровне простых людей).

Если обратиться к первому виду кряшенских хештегов (хештеги-идентификаторы), видно, что это продукт нарратива, сформировавшегося под воздействием определенных этнически значимых символов. Фактически хештег здесь выступает уже как конечный продукт, как инструмент передачи нарратива этнически значимого символа через слово или словосочетание в сети Интернет. Идентификация является очень важной функцией для этнического сообщества, но она явно недостаточна для полноценного развития движения, она хорошо поддерживает уже существующий начальный уровень самоидентификации, но не создает дополнительный нарратив. Хештеги #якряшен или #мыкряшены напоминают кряшенам об их внутренней самоидентификации, но не затрагивают напрямую никаких этнически значимых символов. Если обратиться к М. Биллингу, то в его теории банальный национализм подается непринужденно через ежедневные и обыденные повторения как на уровне государственных символов (флаг на общественном здании или пение гимна утром учениками школы) или же через СМИ с упоминанием слов-маркеров «мы», «здесь», «там», «у них», «у нас» и так далее [Billing, 1995, р. 6]. Эти повторения не создают новых нарративов, они лишь укореняют в сознании людей старые. Поэтому можно сказать, что существует определенная взаимосвязь между классической моделью банального национализма М. Биллинга и хештегами-идентификаторами в кряшенском движении.

Если вернуться к дискуссии вокруг разных подходов к изучению банального национализма, следует подробнее остановиться

на интерпретации Дж. Фокса. Главным маркером этой интерпретации, на наш взгляд, следует считать «опыт простых людей». По словам самого Дж. Фокса, разница между его интерпретацией и взглядами М. Биллинга заключается в том, что в подходе повседневного национализма люди используют свою идентичность и этнически значимые символы для целенаправленного использования в своих целях, а банальный национализм использует людей для целей государства [Fox, 2018, p. 864]. Обращаясь к оставшимся видам хештегов в кряшенском движении, важно остановиться именно на пункте «опыт простых людей» в их повседневной жизни. Так, хештеги-переходы прямо ссылаются на определенные этнически значимые символы (#кряшенский приход – этнически значимый символ кряшенского православного прихода), но при этом дают человеку возможность самому выбрать отношение к этому символу. В данном случае опыт принятия этого символа у всех может быть разным (возможно даже и полное непринятие). Так или иначе, хештег-переход не задает некоторый изначальный дескриптивный статус человеку. К примеру, тот же хештег #кряшенскийприход не приписывает представителю кряшенского сообщества регулярно посещать православный храм, а только напоминает о роли православия в структуре кряшенской идентичности.

Хештеги-сплочение предоставляют еще большую возможность для осмысления своей этнической идентичности. Данный вид хештегов дает только направление для конструирования этнической идентичности, что предполагает дискурс внутри движения о его этнически значимых символах, нарративах и перспективах развития. В данном контексте хештег #силакряшен можно сравнить с хештегом #ldsconf, который сейчас распространен в среде мормонов. Хештег #ldsconf и последовавшее за ним общественное движение позволило представителям мормонского сообщества подчеркнуть другие свои идентичности в сочетании с их мормонской идентичностью [Greenhalgh, Willet, Koehler, 2019, p. 130]. Это движение «снизу» примечательно тем, что церковные лидеры мормонов делали раньше акцент только на религиозной идентичности. По аналогии с хештегом #ldsconf, хештег #силакряшен позволяет раскрыть кряшенскую идентичность в достаточно большом диапазоне, так как подразумевает относительную свободу в ее конструировании членами общины и, самое главное, опирается

на непосредственный опыт простых людей в их повседневной жизни.

В связи с этим наблюдается определенная взаимосвязь между хештегами-переходами и хештегами-сплочения с интерпретацией банального национализма в представлении Дж. Фокса.

Исходя из этого, в качестве визуализации результатов представим таблицу, где показано, какие модели хештегов существуют в кряшенском сообществе по ключевым характеристикам (табл. 1).

Таблица 1

**Модели хештегов в кряшенском сообществе
по ключевым характеристикам**

	1-я модель	2-я модель	3-я модель
Тип хештега	Хештег-идентификатор	Хештег-переход	Хештег-сплочение
Схема	Символ –нарратив – хештег	Хештег (символ) – нарратив	Хештег – символ – нарратив
Вид признания	Внутреннее	Внешнее	Внешнее
Банальный национализм	По М. Биллингу	По Дж. Фоксу	По Дж. Фоксу
Роль в движении	Слабая	Сильная	Сильная

Заключение

Подводя итоги, отметим, что нами была определена роль и место такого инструмента политического интернет-участия, как хештеги в развитии кряшенского движения. Кроме этого, было показано, какие модели хештегов существуют в кряшенском сообществе по ключевым характеристикам (табл. 1). В частности, были найдены определенные закономерности (в рамках одного кряшенского кейса):

1. Если хештег несет в себе только идентификационную функцию, он направлен на внутреннее признание, и его роль в движении достаточно слабая.

2. Если хештег направлен на внутреннее признание, его роль и место в кряшенском движении можно объяснить с помощью интерпретации банального национализма М. Биллинга.

3. Если хештег подразумевает под собой символ (хештег-переход) или несет в себе мобилизационный потенциал (хештег-

сплочение), он направлен на внешнее признание и его значение для движения достаточно велико.

4. Если хештег направлен на внешнее признание, его роль и место в крышенском движении можно объяснить с помощью интерпретации банального национализма Дж. Фокса.

A.E. Denisov*

**Hashtags, narratives and banal nationalism
(a case study of the Kryashens' movement)**

Abstract. The article is devoted to the analysis of a modern tool of political participation in the Internet as hashtags. The study is based on the narrative analysis and the theory of banal nationalism (both in the interpretation of M. Billing and in the vision of J. Fox). The narrative analysis, provided in the article, is considered from the viewpoint of a practice-oriented approach, which is aimed at direct social interaction. The core element of this interaction is a person (in a given case, a representative of an ethnic group) who simultaneously experiences the influence of ethnically significant symbols and creates them. The narrative appears here as a result of the appreciation of ethnically significant symbols in the minds of people. This happens through the analysis of events that have taken place or are now taking place within or around the ethnic movement (including with the help of political myths associated with the history of this ethnic group). The purpose of the article is to study the place and role of hashtags in the development of national movements (a case study of the Kryashens' movement). The author seeks to identify the position of hashtags in relation to such units of analysis as "ethnically significant symbols" and "narrative".

The study talks about hashtags as a new enough tool for political participation. The Kryashen front was opted as an example because the discursive practices are quite well developed within this community. The article provides a detailed overview of the existing Kryashen hashtags and gives their classification based on the types of hashtags proposed by Alice Daer, Rebecca Hoffman and Seth Goodman. The study pays special attention to the theory of banal nationalism and emphasizes that the functionality of hashtags can be explained quite well by this theory. In conclusion, the author proposes a table of models of Kryashen hashtags with key characteristics (type of hashtag, type of recognition, interpretation of banal nationalism according to M. Billing or J. Fox, the hashtag's role in the movement) and highlighted patterns for the Kryashen movement.

Keywords: banal nationalism; the Internet; Kryashen; narrative; national movement; political participation; symbol; hashtag; ethnically significant symbol; ethnopolitical mobilization.

---

* **Denisov Andrew**, Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan, Russia); e-mail: Count-Denisov@yandex.ru

For citation: Denisov A.E. Hashtags, narratives and banal nationalism (a case study of the Kryashens' movement). *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 161–182. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.07>

References

- Achkasov V.A. The role of “enemy image” in the ethno-political mobilization processes. *Political expertise: POLITEX*. 2016, T. 12, N 1, P. 106–128. (In Russ.)
- Achkasov V.A. Ethno-political mobilization: an attempt to conceptualize the idea. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy. Culturology. Political science. Law. International relationships*. 2014, N 3, P. 81–89. (In Russ.)
- Agustín Ó.G. (ed.). *Catalan independence and the crisis of sovereignty*. London : Palgrave Macmillan, 2021, 260 p.
- Aouragh M. *Palestine online: transnationalism, the Internet and the construction of identity*. New York : I.B. Tauris, 2011, 288 p.
- Armstrong J. *Nations before nationalism*. Chapel Hill : University of North Carolina press, 1982, 411 p.
- Barassi V., Zamponi L. Social media time, identity narratives and the construction of political biographies. *Social movement studies*. 2020, Vol. 19, N 5–6, P. 592–608. DOI: <https://doi.org/10.1080/14742837.2020.1718489>
- Belorussova S.Y. SilaKryashen: the virtual life of an unrecognized people. *Siberian historical research*. 2019, N 2, P. 41–63. DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/3> (In Russ.)
- Belorussova S., Danilova E., Sysoeva M. Hastages and ethnicity. *Etnografija*. 2020, N 3, P. 33–61. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-3\(9\)-33-61](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-3(9)-33-61) (In Russ.)
- Billing M. *Banal nationalism*. London : Sage publication, 1995, 200 p.
- Bruner J. The narrative construction of reality. *Critical inquiry*. 1991, Vol. 18, N 1, P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1086/448619>
- Castells M. *The information age: economy, society and culture*. Moscow : Higher School of Economics, 2000, 608 p. (In Russ.)
- Chadwick A., May C. Interaction between states and citizens in the age of Internet: “e-government” in the United States, Britain and the European Union. *Governance. International journal of policy, administration, and institutions*. 2003, Vol. 16, N 2, P. 271–300. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-0491.00216>
- De Fina A., Georgakopoulou A. *Analyzing narrative: discourse and sociolinguistic perspectives*. Cambridge : Cambridge university press, 2012, 223 p.
- De Fina A., Georgakopoulou A. (eds). *The handbook of narrative analysis*. Oxford : John Wiley & Sons, 2019, 472 p.
- Denisov A.E. Practice of ethnic mobilization through John Hutchinson’s theory of nationalism (a case study of the Kryashens’ movement). *Bulletin of Perm university. Political science*. 2017, N 4, P. 49–61. (In Russ.)
- Denisov A.E. “Kryashen question” in the All-Russian census of 2002: the attempt to politicize ethnicity. *RUDN journal of political science*. 2018, N 3, P. 323–333. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-3-323-333> (In Russ.)

- Denisov A.E. Symbols of the Kryashen national movement in the context of Charles Taylor's politics of recognition. *Bulletin of Perm university. Political science*. 2019, Vol. 13, N 3, P. 88–97. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-88-98> (In Russ.)
- Denisov A.E. Religious revival as basis of the modern Kryashen national movement. *The journal of political theory, political philosophy and sociology of politics Politeia*. 2020, N 4, P. 176–191. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-99-4-176-191> (In Russ.)
- Fox J.E. The edges of the nation: a research agenda for uncovering the taken-for-granted foundations of everyday nationhood: edges of the nation. *Nations and nationalism*. 2017, Vol. 23, N 1, P. 26–47. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12269>
- Fox J.E. Banal nationalism in everyday life. *Nations and nationalism*. 2018, Vol. 24, N 4, P. 862–866. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12458>
- Freelon D., Marwick A., Kreiss D. False equivalencies: Online activism from left to right. *Science*. 2020, Vol. 369, N 6508, P. 1197–1201. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.abb2428>
- Greenhalgh S.P., Willet K.B.S., Koehler M.J. Approaches to Mormon identity and Practice in the #Hldsconf Twitter hashtag. *Journal of media and religion*. 2019, Vol. 18, N 4, P. 122–133. DOI: <https://doi.org/10.1080/15348423.2019.1696121>
- Grossman L.K. *The electronic republic: reshaping democracy in the information age*. New York : Viking Penguin, 1995, 290 p.
- Helm F. *Emerging identities in virtual exchange*. Voillans : Research-publishing.net, 2018, 202 p.
- Hutchinson J. *Nations as a zone of conflict*. London : Sage Publications, 2005, 213 p.
- Jenkins H., Ford S., Green J. *Spreadable media: Creating value and meaning in a networked culture*. New York : New York university press, 2013, 352 p.
- Johnson J., Malinova O. Yu. Symbolic politics in political science and Russian studies: research on the political uses of the past in post-soviet Russia. *Political Science (RU)*. 2020, N 2, P. 15–41. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.01> (In Russ.)
- Kania-Lundholm M., Lindgren S. Beyond the nation-state Polish national identity and cultural intimacy online. *National identities*. 2017, Vol. 19, N 3, P. 293–309. DOI: <https://doi.org/10.1080/14608944.2015.1108958>
- Malinova O.Yu. Who forms official historical narrative and how? (analysis of Russian practices). *The journal of political theory, political philosophy and sociology of politics Politeia*. 2019, N 3, P. 103–126. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126> (In Russ.)
- Marilyn M.-J., Deirdre M. (eds). *Researching multilingualism: critical and ethnographic perspectives*. London, New York : Routledge, 2017, 284 p.
- Moffitt B. *The global rise of populism: performance, political style, and representation*. Stanford : Stanford university press, 2016, 240 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvqsdsd8>
- Patrusheva L.S. Hashtagging as a new process of communication. *Bulletin of Udmurt university. Series history and philology*. 2018, Vol. 28, N 3, P. 471–475. (In Russ.)
- Ramasubramanian S. Racial/ethnic identity, community-oriented media initiatives, and transmedia storytelling. *The information society*. 2016, Vol. 32, N 5, P. 333–342. DOI: <https://doi.org/10.1080/01972243.2016.1212618>

- Rightler-McDaniels J.L., Hendrickson E.M. Hoes and hashtags: constructions of gender and race in trending topics. *Social semiotics*. 2014, Vol. 24, N 2, P. 175–190. DOI: <https://doi.org/10.1080/10350330.2013.859355>
- Schertzler R., Woods E. #Nationalism: the ethno-nationalist populism of Donald Trump's Twitter communication. *Ethnic and racial Studies*. 2020, Vol. 44, N 7. P. 1154–1173. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870.2020.1713390>
- Smith A. *Ethno-symbolism and nationalism: a cultural approach*. New York : Routledge, 2009, 184 p.
- Taylor Ch. The politics of recognition". In: Gutmann A. (ed.). *Multiculturalism: examining the politics of recognition*. Princeton : Princeton university press, 1994, P. 25–73.
- Wodak R. *The politics of fear: what right-wing populist discourses mean*. London : Sage, 2015, 309 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446270073>
- Zulli D. Evaluating hashtag activism: Examining the theoretical challenges and opportunities of #BlackLivesMatter. *Participations. Journal of audience and reception studies*. 2020, Vol. 17, N 1, P. 197–216.

Литература на русском языке

- Ачкасов В.А. Этнополитическая мобилизация: попытка концептуализации понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия б: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 81–89.
- Ачкасов В.А. Роль «Образа врага» в процессах этнополитической мобилизации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2016. – Т. 12, № 1. – С. 106–128.
- Белорусова С.Ю. Сила кришчен: виртуальная жизнь непризнанного народа // Сибирские исторические исследования. – 2019. – № 2. – С. 41–63. – DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/3>
- Белорусова С.Ю., Данилова Е.Н., Сысоева М.Э. Хештеги и этничность // Этнография. – 2020. – № 3. – С. 33–61. – DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-3\(9\)-33-61](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2020-3(9)-33-61)
- Денисов А.Е. Практика этнической мобилизации через призму теории национализма Джона Хатчинсона (на примере кришченского движения) // Вестник Пермского университета. Политология. – 2017. – № 4. – С. 49–61.
- Денисов А.Е. «Кришченский вопрос» во Всероссийской переписи населения 2002 года: попытка политизации этничности // Вестник РУДН. Серия Политология. – 2018. – № 3. – С. 323–333. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-3-323-333>
- Денисов А.Е. Символы Кришченского национального движения в контексте политики признания Чарльза Тейлора // Вестник Пермского университета. Политология. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 88–97. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-88-98>
- Денисов А.Е. Религиозное возрождение как основа современного кришченского религиозного возрождения // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал по-

- литической философии и социологии политики). – 2020. – № 4. – С. 176–191. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-99-4-176-191>
- Джонсон, Д., Малинова О.Ю.* Символическая политика как предмет Political Science и Russian Studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 15–41. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.01>
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
- Малинова О.Ю.* Кто и как формирует официальный исторический нарратив? Анализ российских практик // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2019. – № 3. – С. 103–126. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126>
- Патрушева Л.С.* Хештегирование как новый коммуникативный процесс // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. – 2018. – Т. 28, № 3. – С. 471–475.